

Воспоминанія студента Кіевской духовной академіи.

Третій курсъ ¹⁾.
(1823—1827).

Стефанъ Шипулинскій, воспитанникъ Черниговской семинаріи, въ монашествѣ Рафаиль. Магистръ академіи, съ 12 декабря 1827 года бакалавръ. По болѣзни въ 1829 году оставилъ службу при академіи.

Это, по словамъ знавшихъ его, очень умный и развитой человекъ. По оставленіи академіи онъ былъ преподавателемъ духовной семинаріи въ Переяславѣ Полтавской губерніи въ то время, когда тамъ былъ епископомъ Наѳанаиль (Савченко).

Передавали, что одинъ разъ преосвященный Наѳанаиль пришелъ къ отцу Рафаилу на урокъ священнаго писанія и на немъ, слушая отвѣты учениковъ и объясненіе преподавателя, сказалъ, что Евангеліе имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ Апостоль. Отецъ Рафаиль, желая посмѣяться надъ владыкой Наѳанаиломъ, сказалъ:—Да, Евангеліе имѣетъ больше значенія, чѣмъ Апостоль: оно лежитъ на престолѣ, а Апостоль на клиросѣ; Евангеліе отдѣляется въ золото, серебро, бархатъ, а Апостоль переплетается въ кожу или весьма рѣдко въ шелковый переплетъ; Евангеліе читаютъ священнослужители, начиная съ архіереевъ не ниже діакона, а Апостоль читаетъ дьячекъ или какой-нибудь шкурникъ.

Наѳанаиль не вынесъ подобной насмѣшки, представилъ отца Рафаила къ увольненію изъ семинаріи, и онъ скончался въ званіи архимандрита въ Кіево-Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ и погребенъ въ Теофаніи.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1917 г.

Живя на покоѣ въ Кіево-Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, отецъ архимандритъ Рафаиль велъ самую скромную жизнь.

Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ, воспитанникъ Волынской семинаріи, магистръ академіи. Съ 14 декабря 1826 года бакалавръ, а съ 23 октября 1834 года ординарный профессоръ. Съ 1837 по 1846 гг. занималъ должность преподавателя физики въ Кіевскомъ Университетѣ св. Владиміра, а потомъ опять преподавалъ ее въ духовной академіи.

Венедиктъ Павловичъ намъ, студентамъ семнадцатаго курса, преподавалъ математикѣ и физикѣ, послѣднюю читалъ въ отдѣльномъ кабинетѣ и показывалъ намъ опыты. Онъ былъ очень благородный и честный учитель и знатокъ своего предмета. Я по окончаніи академіи бывалъ въ его домѣ, принять былъ всегда радушно и находилъ въ немъ и его семьѣ самый теплый пріемъ.

Невольно припоминается одинъ случай изъ его жизни. Въ Кіевской духовной академіи въ это время издавалось Воскресное чтеніе, основанное ректоромъ Иннокентіемъ (Борисовымъ). Статьи для печатанія составляли лица, состоящіа на преподавательскихъ кафедрахъ въ академіи. Нѣкоторые неохотно писали свои статьи, особенно не желалъ ничего помѣщать на страницахъ Воскреснаго чтенія Венедиктъ Павловичъ. Когда сослуживцы стали настаивать, чтобы онъ непременно написалъ статью для журнала, Венедиктъ Павловичъ написалъ „Похвала молчанію“ и затѣмъ больше никогда ничего не писалъ. Зато его статья— „Похвала молчанію“ стояла по своему содержанію и характеру весьма много статей о разныхъ предметахъ, составленныхъ другими.

Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ скончался въ 1862 году.

Алексѣй Минервинъ, воспитанникъ Воронежской семинаріи. Изъ профессоровъ Кіевской семинаріи съ 30 сентября 1831 года бакалавръ академіи, съ 17 марта 1848 года экстраординарный профессоръ русской гражданской и церковной исторіи.

Алексѣй Лукиловичъ преподавалъ намъ русскую исторію и былъ секретаремъ академическаго правленія. Это былъ человекъ, который совсѣмъ не занимался своимъ предметомъ и преподавалъ намъ исторію Россіи, читая по Устрялову. На первой лекціи передалъ намъ, что лучше Устрялова не скажешь, и потомъ всѣ два года младшаго курса читалъ по этому пособию.

Иногда Алексѣй Лукиловичъ съ улыбкой заявлялъ намъ, что если кто будетъ хорошо отвѣчать по исторіи, то скорѣе другихъ получитъ изъ правленія академіи нужные документы.

Скончался онъ отъ холеры въ 1851 году.

Василій Борисовичъ, воспитанникъ Подольской семинаріи, по принятіи монашества Аванасій. Изъ инспекторовъ Кіевской семинаріи съ 26 августа 1838 года бакалавръ; съ 5 октября 1840 г. экстраординарный профессоръ академіи; съ 23 іюля 1841 года ректоръ Вологодской семинаріи; впоследствии ректоръ и профессоръ Черниговской семинаріи.

Я его знаю какъ своего ректора по Черниговской семинаріи. Это человекъ умный, энергичный. Поступивъ послѣ ректора семинаріи архимандрита Адріана, онъ поднялъ семинарію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, онъ не долго былъ на этой должности и 5 декабря 1847 года скончался отъ холеры въ г. Черниговѣ.

Иванъ Литинскій, воспитанникъ Харьковской коллегіи; былъ преподавателемъ Черниговской духовной семинаріи.

Это былъ очень дѣльный, умный преподаватель. Отношенія его къ ученикамъ семинаріи были вполне отеческія; особенно онъ въ семинаріи поднялъ чтеніе книгъ, которое требовалъ обязательнымъ, чѣмъ крайне былъ недоволенъ тогдашній библиотечаръ Петръ Лаврентьевичъ Червинскій.

Въ семинаріи служилъ онъ довольно долго; къ сожалѣнію, скончался уже пожилымъ человекомъ отъ выстрѣла, что тогда было необычнымъ явленіемъ.

Четвертый курсъ.

(1825—1829 г.).

Давидъ Александровичъ Подгурскій, воспитанникъ Подольской семинаріи; магистръ академіи. Изъ бакалавровъ польскаго языка съ 30 сентября 1821 года бакалавръ, и съ 24 декабря 1857 г. ординарный профессоръ физико-математическихъ наукъ. Съ 13 октября 1859 года уволенъ отъ преподаванія наукъ съ оставленіемъ въ должности ординарнаго профессора по классу латинской словесности.

Давидъ Александровичъ былъ у насъ, студентовъ семнадцатаго курса, преподавателемъ математики. Это былъ человекъ въ высшей степени добрый и благородный. Изъ студентовъ академіи не многіе занимались этимъ предметомъ, но Давидъ Александровичъ сносилъ все это терпѣливо.

Случались не разъ весьма курьезныя вещи. Одинъ изъ моихъ товарищей, Конокотинъ, человекъ весьма способный и даровитый, математикой совсѣмъ не занимался. Начальство знало какъ его даровитость, такъ и то, какъ онъ относится къ математикѣ.

Экзаменъ по математикѣ надо было сдавать всѣмъ. По вызовѣ Конокотина, Давидъ Александровичъ предложилъ ему такой вопросъ: изъ данной точки описать круговую линію. Конокотинъ, не смущаясь, поставилъ на доскѣ точку, сдѣлалъ вокругъ нея полукругъ, не вписавъ радіуса. Экзаменаторъ и начальство, получивъ такой отвѣтъ, улыбнулись, и Конокотину поставили три.

Вообще отъ ученика требовалось знаніе одного какого-нибудь предмета, избраннаго имъ по своей охотѣ и способностямъ; по остальнымъ предметамъ можно было по нѣкоторымъ имѣть отмѣтки и неудовлетворительныя, что не препятствовало переходу изъ одного курса въ другой—лишь бы въ общемъ было не меньше трехъ.

Въ Давидѣ Александровичѣ насъ только удивляли нѣкоторые странные приемы при преподаваніи геометріи. Напримѣръ, когда онъ писалъ на доскѣ кругъ, то поставитъ точку для обозначенія центра круга и долго къ ней приглядывается; затѣмъ снова быстро подойдетъ и продолжаетъ чертить на доскѣ кругъ.

Сообщ. А. М. Чижевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).